

Глава 1. «Птицы южного Приморья»

В этой книге, увидевшей свет ровно 50 лет назад, обобщены результаты моих изысканий в заповеднике «Кедровая падь», где я жил и работал в годы с 1960 по 1963.

Прелюдия

Все началось за несколько лет до этого, еще во время моего обучения на кафедре зоологии позвоночных Биологического факультета МГУ. За два года до окончания студенческой жизни настало время выбрать то направление исследований, в сфере которого предстояло работать в дальнейшем. Как это заведено повсюду, такой выбор осуществляется, когда преподаватели предлагают студенту одну или несколько тем по специальности для выполнения сначала курсовой, а затем дипломной работы.

И вот, поздней весной 1957 года группа из нескольких студентов выезжает на летнюю практику в Окский заповедник. Руководитель группы, доцент Николай Николаевич Карташев предложил мне изучать образ жизни двух видов куликов, обитающих по берегам небольшой речки под названием Пра, левого притока Оки, делящего почти ровно надвое сильно заболоченную Мещерскую низменность. Это о ней К. Паустовский писал: «Я много видел живописных и глухих мест в России, но вряд ли когда-нибудь увижу реку более девственную и таинственную, чем Пра».

Н.Н. Карташев был фигурой достаточно колоритной. Ему было в то время 38 лет, но мне он казался много старше. Коренастый и широкоплечий, с пышными усами, он обычно был немногословен и казался суровым, чтобы не сказать – мрачным. Во всяком случае, так он вел себя при общении со студентами. Вот, например, я предлагаю ему помочь перенести с берега лодочный мотор к лодке и слышу в ответ: «А что я, слабосильный, что ли?».

Карташев держал меня чуть ли не в «черном теле». В один из первых дней для всей нашей группы была устроена экскурсия с базы на кордон заповедника, расположенный километров за 15 от нее. Вечером, когда все мои сокурсники расположились ночевать на кордоне, Карташев сказал, что мы с ним сейчас пойдем обратно домой. Я пытался протестовать, предлагая отложить прогулку до утра. Но шеф был непреклонен. Мы шли в полной темноте, и меня удивило, что он снял очки, которые носил постоянно. В ответ на мое недоумение он объяснил, что стекла очков отражают тот немногий свет, который еще дает о себе знать по ночам, так что зрению сподручнее работать в отсутствие очков. Маршрут оказался нелегким – ведь шли мы не по дороге, а по «целине». Тем не менее, на следующее утро Николай Николаевич

разбудил меня чуть свет, дав тем самым понять, что летняя практика – это не курорт для студента-орнитолога.

Итак, в мое распоряжение выделили весельную лодку и два десятка автоматических ловушек-лучков. С их помощью я должен был ловить куликов, кольцевать их и в дальнейшем вести наблюдения за птицами, помеченными таким образом. Местом работы были речные песчаные отмели. Я должен был сплавляться по реке и на каждой расставлять по несколько лучков у самого уреза воды, где кулики кормились насекомыми на мокром песке. Позже ко мне присоединился мой сокурсник и друг Юрий Романов, которому Н.Н. Карташев предложил изучать биологию зимородков. Эти тропически окрашенные птицы, питающиеся рыбой, гнездятся в норах на обрывистых участках берегов Пры. Так что протяженные маршруты на веслах удовлетворяли задачам обоих исследований.

Вскоре мне стало ясно, что по-настоящему интересный материал можно получить из наблюдений лишь за одним из двух видов – именно, малым зуйком. Парочки этих птиц пребывали на отмелях постоянно, они гнездились здесь и выращивали потомство. Что же касается перевозчиков, то они устраивали гнезда в лесных зарослях по берегам реки, и найти такое гнездо было практически нереально. На отмелях же эти кулики появлялись лишь эпизодически, во время кормежки. Поэтому я вскоре сказал шефу, что сравнивать эти два вида в деталях – это все равно, что сравнивать круглое с красным.

Малые зуйки моментально пленили мое сердце орнитолога. Во время столкновений соседних пар на границах их территорий, во взаимодействиях между самцом и самкой при постройке гнезда и в момент брачных церемоний они меняли свой облик наподобие игрушек-трансформеров. Будучи настроен агрессивно, зук становился совершенно плоским, а его черный «ошейник» то и дело увеличивался – от еле видной полоски до широкого «галстука».

Особенно удивительным оказалось брачное поведение зуйков. Место для гнезда подготавливает самец. Он, лежа, роет лапками несколько ямок в песке, постепенно все чаще посещая и углубляя одну из них. Выстилку гнезда самец делает из мелких предметов, разбросанных неподалеку от ямки, будь то обломки веточек, раковины моллюсков либо миниатюрные камешки. Делая несколько шагов от ямки, самец берет такой предмет клювом и резким движением бросает его назад «через плечо». Спустя несколько дней ямка оказывается заполненной, и гнездо готово для откладки яиц. Теперь настает время привлечь сюда самку. Самец поджидает ее, лежа в гнезде. Когда же самка, готовая к спариванию, подходит к партнеру вплотную, он встает,

разворачивает веером угольно-черный хвост, украшенный изящно вырезанной белой окантовкой, и остается в неподвижности, держа этот роскошный флаг над гнездом. Самка ложится под него в гнездо, а когда, полежав так минуту-другую, поднимается, следует спаривание. Прежде чем встать самке на спину, самец расширяет до отказа черный ошейник и некоторое время топчется, будто «марширует» на песке, быстро переступая лапками.

Увидеть все это и сделать с помощью телеобъектива снимки, подтверждающие увиденное, можно было, лишь часами сидя неподвижно где-нибудь под укрытием куста. Это следовало повторять изо дня в день, чтобы птицы привыкли к твоему присутствию и перестали опасаться наблюдателя. Н.Н. Карташеву такое мое поведение определенно не нравилось. Ему казалось, что я просто отлыниваю от того способа орнитологических исследований, который он считал чуть ли ни единственно правильным. Суть его в том, чтобы покрывать за день как можно большее расстояние и фиксировать в блокноте все, что так или иначе отвечает задаче исследования – в данном случае, сколько особей каждого вида обитает в пределах маршрута, сколько времени они отдают кормежке, сколько съедает каждая, и так далее.

Все дело в том, что в те годы отечественным зоологам было просто неизвестно о существовании того направления исследований, которое уже почти три десятилетия активно практиковали ученые Западной Европы. Ничего не знал о нем тогда и я сам. Я имею в виду этологию, основной метод которой состоит как раз в длительных наблюдениях за поведением особей, желательно – индивидуально опознаваемых. Таким образом, малые зуйки стали моими первыми учителями в области этологии, подсказав мне тот метод, при помощи которого я смогу узнать как можно больше об интимных сторонах их жизни.

По сути дела, именно знакомство с этими птицами определило мою дальнейшую научную судьбу в качестве этолога. Малым зуйкам я полностью обязан тому, что через три года оказался в одном из наиболее интересных для биолога любого профиля регионе – в заповеднике «Кедровая падь», в самом сердце Уссурийской тайги. А сегодня изображение малых зуйков служит эмблемой моего сайта www.panov-ethology.ru.

Дипломная работа и проблемы с распределением

Каким же образом, спросит читатель, изучение малых зуйков на берегах реки Пры породило мечту о работе в Уссурийском крае? Чтобы ответить на этот вопрос, мне придется начать издалека.

В следующий полевой сезон я полностью отдался изучению поведения малых зуйков, обозначив это темой моей дипломной работы. На этот раз моей спутницей и помощницей в странствиях по Пре стала Наталья Андреевна Подугольникова, которая годом раньше вышла за меня замуж.

При работе над дипломом я, начав знакомиться с литературой, обнаружил к своему удивлению, что малый зук уже давно служит излюбленным объектом изучения у немецких и британских орнитологов. У меня в руках оказалась даже целая небольшая книжка, целиком посвященная этому виду, в которой ее автор, немецкий орнитолог Н. Dathe подробно описал многое из того, что пришлось увидеть мне самому. Оказалось также, что роду зуйков (*Charadrius*) принадлежит еще 31 вид мировой орнитофауны. Один из них – галстучник, обитающий в тундрах Евразии, был по описаниям настолько близок к малому зуйку, что даже отличить одного от другого в природе казалось задачей совсем непростой. У меня появилось желание узнать о том, насколько сходны и в чем различны особенности сигнального поведения этих двух видов. Но информация о поведении галстучника оказалась настолько скудной, что провести детальное сравнение не удалось бы, да и тема эта не вполне вписывалась в содержание работы, которую я должен был предоставить при защите диплома.

В то время как о поведении галстучника все же было хоть кое-что известно, еще один вид, о существовании которого я узнал из книг, был не изучен полностью. Название птицы – уссурийский зук. Так вот, подумал я, окончу университет, поеду на Дальний Восток и исследую этот вид в малейших деталях. А заодно увижу своими глазами всех этих экзотических птиц со столь звучными и волнующими воображения именами (голубая сорока, синяя и желтоспинная мухоловка, древесная трясогузка и многие другие), которые ассоциировались в сознании с экзотикой природы далекого Уссурийского края.

Это спонтанно возникшее во мне желание сравнить поведение изученного мною малого зуйка с повадками других, близких ему видов, как выяснилось впоследствии, совпало с главным принципом науки, именуемой сравнительной этологией. Но в то время я ничего об этом не знал. Подобно персонажу из пьесы Мольера, который был сильно удивлен, когда ему сказали, что он говорит *прозой*, я бы не поверил, узнав, что оказался в роли *этолога*. Во время моего обучения в университете если нам и говорили о поведении, то лишь о таком, которое связано с поисками и поглощением корма или с изготовлением животными убежищ, например, нор млекопитающих. Что же касается той сферы поведения, которая обслуживает общение животных

(сигнальные позы и звуки), то ей в курсе зоологии места отведено не было. Лишь много позже, в начале 1970-х годов, профессором Николаем Павловичем Наумовым, заведующим нашей кафедрой, была предложена идея так называемого *биологического сигнального поля*. Но и здесь речь шла в основном о сигнализации запахами, и только у млекопитающих. Вспомним собаку, поднимающую лапу у основания фонарного столба.

В лекциях и на практикумах по морфологии преподаватели основывались целиком на сравнительном подходе – этом чуть ли не главном принципе биологии, на котором зиждятся все реконструкции эволюционных преобразований органического мира. Но, насколько я помню, никогда не говорили о том, каким увлекательным и перспективным может быть применение сравнительного метода в изучении поведения.

Моя жена Наташа, которая одновременно со мной оканчивала другую кафедру биофака МГУ и готовилась работать в области геоботаники, с восторгом восприняла мой план уехать в какой-либо из заповедников Дальнего Востока. Мы навели справки и очень быстро остановились в своем выборе на самом южном из них, территория которого разместилась в Хасанском районе Приморья, близ границ России с Китаем и Кореей. Адрес заповедника я узнал от Сергея Константиновича Клумова¹, который в это время предпринял большие усилия в попытках помочь мне в моей дальнейшей судьбе. Он же порекомендовал нам отправить письмо директору заповедника Александру Георгиевичу Панкратьеву. В ответ тот написал, что сможет взять нас на работу только год спустя.

А между тем близилось время так называемого «распределения». Каждый студент должен был к моменту получения диплома иметь на руках справку, говорящую о том, что такая-то организация готова взять его на работу. Если такой справки не было, университет имел право выбрать будущее место работы выпускника по своему усмотрению. Это как раз был мой случай. С.К. Клумов сказал, что готов зачислить меня в длительную экспедицию по изучению китообразных в морях Дальнего Востока. Но экспедиция еще только планировалась и не существовала как реальная организация. В день распределения я приехал рано утром в Институт океанологии, где работал Сергей Константинович, и он написал мне на бланке нечто вроде требуемой заявки. В это время раздался звонок. Взяв трубку и выслушав первые слова звонившего, он подмигнул мне и продолжал слушать дальше. Оказалось, что звонил Н.Н. Карташев и настаивал на том, чтобы на работу меня не брали.

Дело в том, что на кафедре мои отношения с преподавательским составом складывались не лучшим образом. Я был стилигой и антисоветчиком и к тому же чересчур активным, с точки зрения начальства. В частности, перед каждой летней практикой я организовывал делегацию к заведующему кафедрой Н.П. Наумову с предложением перенести зачеты на осень, а весну, когда в природе кипит жизнь, использовать для работы в поле. Разумеется, нам в этом неизменно отказывали, так что время, самое благоприятное для полевых исследований пропадало зря. Когда с готовым текстом дипломной работы я пришел к Н.Н. Карташеву, он отказался быть моим руководителем. Во-первых, потому, что я не последовал его совету сравнивать биологию зуйка и перевозчика, а во-вторых, как им было сказано, «Потому, что я принадлежу к числу людей, которых Вы предлагаете отстреливать». Он имел в виду свою принадлежность к коммунистической партии и одно из моих замечаний в адрес ее членов². В результате я попросил представить мой диплом на защиту профессора Георгия Петровича Дементьева, на что тот охотно согласился. Он ознакомился с работой на протяжении двух дней и дал положительный отзыв.

Такова была общая обстановка к тому моменту когда я явился в комиссию по распределению, да еще с сильным опозданием: она уже заканчивала свою работу, и я оказался последним из всей нашей группы. Я протянул председательствовавшему Н.П. Наумову бумагу от С.К. Клумова. Наумов пробежал ее глазами, сложил вчетверо и сунул в ящик стола. «Это не заявка, - сказал он, - а личное письмо. Мы распределяем Вас на Астраханскую противочумную станцию». «Я туда не поеду», - ответил я. «Тогда мы исключим Вас из университета», - последовал ответ. Под аккомпанемент этой угрозы я бодро, с независимым видом покинул высокое собрание.

Я поехал в Министерство здравоохранения, в систему которого входили противочумные станции. Там объяснил чиновнику, что у меня совершенно иные научные интересы. «Хорошо, - сказал тот, - нам не нужны люди, которым эта работа не по душе». Он выдал мне соответствующую справку, и я помчался к Наташе рассказать о своей победе.

Впереди, до отъезда в заповедник оставался целый год. Надо было чем-то себя занять. Случилось так, что мой отец, писатель Николай Николаевич Панов³, побывал в Англии и привез мне оттуда одно из первых изданий книги Конрада Лоренца

---

² Во время одной дискуссии между активом нашей группы и руководством комсомольской организации, членом которой я, к счастью, так и не стал, наши противники предложили нам дожидаться прихода «партийных товарищей». Именно тогда я сказал в ответ: «Стрелять надо этих партийных товарищей». Когда же главный из комсомольцев, сам член партии, донес об этом декану факультета, тот в ответ сказал: «А может быть это только Вас Панов имел в виду?»

³ Первоначально поэт, писавший под псевдонимом Дир Туманный.

«Кольцо царя Соломона». Из нее-то я узнал впервые о том, что такое этология и чем она занимается. Я решил перевести книгу на русский язык и занимался этим на протяжении оставшихся месяцев 1959 г. В послесловии, которое я написал к русскому изданию, вышедшему в свет лишь 10 лет спустя, в 1970 г., процитированы следующие слова академика В.Н. Черниговского об этологии: «Не считаться с ней невозможно. Не знать о ней просто неприлично. Не разбирать ее – очень серьезное упущение...». Важно подчеркнуть, что это было написано в 1963 г., когда этология была уже зрелой наукой, развивавшейся в Европе на протяжении как минимум трех десятилетий.

В чем же причина столь запоздалого «открытия» этологии биологами в СССР? В период железного занавеса в стране поддерживалась строгая идеологическая изоляция «передовой отечественной науки» от «тлетворных влияний буржуазной западной лженауки». Все, кто интересовался поведением животных в «совдепии», находились под жесточайшим давлением павловской рефлексологии. Суть этологических воззрений либо замалчивалась, либо подавалась в искаженном виде⁴. Единственным счастливым исключением в этом отношении оказалась книга Л.В. Крушинского «Биологические основы рассудочной деятельности», впервые опубликованная только в 1977 г.⁵

Мы в заповеднике!

Детали самого переезда из Москвы на место работы стерлись из моей памяти. Помню лишь, как мы с Наташей оказались в совершенно пустом доме, выделенном нам для жилья: сени, кухня с печкой о двух конфорках и большая комната без какого-либо места для сна. Дело было к вечеру, так что мы вывалили на пол все мягкие вещи из двух наших рюкзаков и легли спать.

Утром следующего дня, как только настало время, приличное для ранних визитов, познакомиться с нами пришел Александр Александрович Назаренко, работавший тогда орнитологом в заповеднике. Он появился со свойственной ему насмешливой полуулыбкой человека, знающего нечто, недоступное другим, и,

⁴ О чем сказано в моей рецензии на книгу А.Д. Слонима «Инстинкт» (1967, изд. Наука). См. Панов Е.Н. 1969. Рецензия на книгу А.Д. Слонима «Инстинкт». Журн. общей биологии 30(6): 759-761.

⁵ В СССР место этологии было занято так называемой зоопсихологией, основанной на воззрениях А.Н. Леонтьева, Л.С. Выготского, П.Я. Эльконина, К.Э. Фабри и др. В ней наиболее сильной была не зоологическая, а физиологическая традиция, опять же под влиянием вездесущего тогда в стране «павловского учения». Умозрительные схемы эволюции психики, предлагаемые психологами, явно доминировали над конкретными эмпирическими исследованиями сравнительного зоологического характера. Наиболее активно развивались исследования поведения приматов, которые также имели очевидную психологическую ориентацию.

поздоровавшись, сразу же протянул мне отпрепарированную тушку птицы величиной с воробья. Мы быстро перешли на «ты», и он спросил: «Ну, что, Женя, можешь сказать, кто это?». Это была проверка моей компетенции как орнитолога из столицы. Глядя на птицу, я понял, что не вижу в ней ровно ничего, за что можно было бы зацепиться для определения ее видовой принадлежности. Все оперение было тускло серым с налетом теплых тонов. Так что экзамена я не выдержал, чем, как мне показалось, Саша остался доволен. Птица же оказалась самкой обыкновенной чечевицы.

Очень скоро выяснилось, что оба мы увлечены идеями, высказанными в книге Эрнста Майра «Систематика и происхождение видов с точки зрения зоолога», переведенной на русский язык в 1947 году. По сути дела, это была концепция так называемого географического видообразования. Суть ее в том, что вид А и вид Б становятся самостоятельными биологическими сущностями после того, как их популяции, составлявшие до этого предковый вид С, оказываются разделенными некой физической преградой: горными хребтами, системой крупных рек или местообитаниями, непригодными для их жизни. За время раздельного существования эти популяции постепенно накапливают генетические различия, как спонтанно, за счет мутационных процессов, так и в силу адаптаций к различным местным условиям. Но когда такие *зарождающиеся* виды начинают расширять свои ареалы и встречаются друг с другом, их независимость друг от друга может сохраниться лишь в том случае, если в дело вступает система так называемых *изолирующих механизмов*.

Они делятся на экологические, этологические и физиологические. Первые работают тогда, когда эти общности привержены к разным местообитаниям и/или начинают размножаться в разные сроки, что препятствует встрече самцов одной популяции и самок другой, устраняя тем самым самую возможность гибридизации между видами на стадии их становления. Суть этологических изолирующих барьеров состоит в том, что особи каждой такой общности адекватно опознают, по характеру сигнального поведения, «своих» и избегают половых контактов с «чужими». Если же «ошибки в опознавании» все же происходят, в дело вступают физиологические механизмы: генетическая несовместимость половых продуктов представителей разных общностей приводит к нежизнеспособности либо к неплодовитости гибридного потомства. Когда ни один из названных механизмов не работает, обе группы популяций не переходят к состоянию самостоятельных видов и остаются в статусе «подвидов» предкового вида С.

Эта система взглядов, зародившись в качестве нового слова на рубеже 1940-х и 1950-х годов, вскоре оформилась в концепцию под названием «синтетическая теория эволюции» (сокращенно СТЭ). Она оставалась господствующей парадигмой теоретической зоологии на протяжении последующих нескольких десятилетий – до тех пор, пока не рухнуло под напором новых знаний центральное ядро воззрений Майра – именно, так называемая биологическая концепция вида. Она сводилось к тому, что вид, фигурально выражаясь, «стремится» к сохранению своей целостности, вырабатывая, тем или иным способом, барьеры, защищающие его от гибридизации с другими видами.

Здесь я вынужден сделать небольшое отступление. Ни о чем из этого не было сказано в программе моего обучения МГУ. О теории Майра я узнал совершенно случайно, увидев, незадолго до окончания университета, книгу этого великого ученого в руках своего сокурсника Вити (Виктора Николаевича) Орлова. Любопытно следующее обстоятельство. Сдавая после этого отчет по курсу дарвинизма (как называли тогда теорию эволюции), я рассказал о прочитанном в книге преподавателю, экзаменовавшему меня. Он был повергнут в удивление и спросил, откуда я все это знаю.

Мы оба, А.А. Назаренко и я, в момент нашей встречи были полностью уверены в справедливости взглядов Майра и намеревались *подтвердить* их, проиллюстрировав на примере взаимоотношений видов птиц богатейшей и слабо изученной к тому времени орнитофауны южного Приморья. По крайней мере, мне в то время не было известно, что верная стратегия научного исследования состоит не в попытках подтвердить ту или иную теорию (что называется ее верификацией), но предпринять все усилия для ее опровержения (фальсификации). Поскольку любую теорию легко подтвердить, если изначально веришь в нее. Об этом нам в университете тоже не рассказывали и, похоже, на кафедре зоологии позвоночных не рассказывают студентам и по сию пору.

Начало работы

Время нашего приезда оказалось не самым благоприятным для тех исследований, которые я изначально планировал. Уссурийские зуйки уже давно вывели птенцов, так что искать их на отменях не имело никакого смысла. Поэтому я присоединился к работе, для выполнения которой меня, собственно говоря, и зачислили в штат заповедника.

Орнитологи, эпизодически посещавшие этот район прежде, занимались в основном составлением каталога местных видов птиц и добывали их для музейных коллекций. Это направление исследований называется *фаунистикой* и в зоологии относится, на мой взгляд, к стадии преднауки. Оно подготавливает почву для дальнейшего, более углубленного изучения разных сторон биологии отдельных видов, а также, разумеется, всего того, что делает местную фауну не просто механической суммой видов, но экологически организованной системой. Именно этими вопросами А.А. Назаренко был занят до моего приезда, пополняя попутно фаунистический список видами, не замеченными до него.

Нам вместе предстояло выяснить, в частности, сроки гнездования всех видов птиц заповедника, время их весеннего прилета и начала осенних миграций в южном направлении, на зимовки. В этом смысле осень оказывается временем, важным и перспективным в ряде отношений. Идут миграции из более северных регионов. Следует зафиксировать даты появления птиц в заповеднике и проследить, какие виды и когда отлетают далее к югу, а какие остаются зимовать в наших местах. Первоначально эта деятельность казалась мне довольно рутинной. Пришлось вспомнить наставления Н.Н. Карташева – вроде того, что «орнитолога ноги кормят».

База заповедника располагалась на границе тайги, в полосе низкоствольного леса, обедненного постоянными низовыми пожарами, и узкой полосы травянистой приморской равнины. Чтобы быть в курсе происходящего в этих трех разных местообитаниях, а также в прибрежной полосе Амурского залива, следовало совершать ежедневные пешие экскурсии по нескольким стандартным маршрутам.

Я неплохо знал птиц Московской области, но в заповеднике почти все виды были для меня новыми и незнакомыми. Поэтому первое время мы с А.А. Назаренко экскурсировали вместе, и он помогал мне научиться определять их с первого взгляда. Особенно трудно было это в отношении самок и молодых особей. Одних только овсянок в заповеднике было 9 видов. Самцы хорошо различались всевозможными контрастными отметинами, но самки и птицы данного года рождения казались мне «на одно лицо». Я спрашивал Сашу, как же ему удастся распознавать их, коротко взглянув в бинокль, на что он лаконично отвечал: «По внешнему виду».

Особенно полюбился мне маршрут на берег моря, где в это время стали останавливаться на отдых и кормежку кулики, мигрирующие к югу из тундр Восточной Сибири и побережий Берингии. Среди примерно полутора десятков видов песочников, улитов и ржанок здесь оказались в значительном числе и родичи моего

любимого малого зуйка. Это был совсем не похожий на него, гораздо более крупный монгольский зук.

Оказавшись на берегу в первый раз, я пытался подкрадываться к той или иной стайке куликов, чтобы рассмотреть их и определить, к какому именно виду они относятся. Птицы не подпускали меня даже на ружейный выстрел, и вскоре стало ясно, насколько неэффективна эта моя тактика. Так что, волей неволей, пришлось вернуться к приемам, отработанным мною еще в Окском заповеднике. Я приходил на пляж, усеянный водорослями, а после сильных приливов – еще и медузами, садился на песок без всякого укрытия и старался как можно меньше двигаться. Уже примерно через полчаса вокруг меня сновали кулики большие и маленькие, с клювами короткими и длинными, изогнутыми к концу кверху (мородунки) и книзу (кроншнепы). Птицы меня совершенно не боялись, и я за несколько дней получил обширную серию фотокадров, снимая представителей самых что ни на есть малоизученных видов (например, грязовиков, лопатней и больших песочников) с расстояния не более пятнадцати метров, а то и ближе.

По материалам сделанных здесь наблюдений над поведением птиц я затем написал две статьи: «О территориальных отношениях куликов на пролете» и «О способах питания некоторых видов куликов», опубликованные, соответственно, в 1963 и 1964 годах. Еще год спустя в журнале «Охота и охотничье хозяйство» была напечатана статья «Пролет куликов в южном Приморье» с моими рисунками – своего рода полевой определитель упомянутых там видов в помощь орнитологам-любителям.

Когда зимой следующего года я посетил для консультаций Зоологический институт АН СССР, полученные мной материалы по поведению куликов вызвали живой интерес со стороны таких светил отечественной орнитологии, как Елизавета Владимировна Козлова и Константин Алексеевич Юдин. Для них именно эти птицы послужили одним из главных модельных объектов в исследованиях по закономерностям эволюции птиц⁶. С благодарностью вспоминаю также помощь, оказанную мне тогда в ЗИНе выдающимся орнитологом Борисом Карловичем Штегманом. Этот ученый с мировым именем несколько часов переводил с листа с немецкого сидевшему рядом с ним юнцу (в должности старшего лаборанта) большую статью с данными о поведении зуйка галстучника. Позже я использовал эти сведения в своей статье о поведении и систематическом положении уссурийского зуйка.

---

⁶ См. Козлова Е.В. 1961-62. Ржанкообразные. Подотряд кулики (Фауна СССР. Птицы, т. 2, вып. 1, ч. 2-3). М.- Л.; Юдин К.А. 1965. Филогения и классификация ржанкообразных ([Фауна СССР. Новая серия. Т. 91.](#)) [Изд. Академии наук СССР.](#)

Я обогащаю список видов птиц заповедника

Наступило время временного отъезда Наташи в Москву. Она ждала ребенка и, несмотря на мои уговоры, решила во что бы то ни стало рожать в столице, рассчитывая на поддержку со стороны родителей и двух сестер. Я оставался в одиночестве. Как поется в той ковбойской песне в стиле кантри, которую в свое время исполняли многие рок-певцы:

“ By, by, by, love,
 Good by, happiness
 Hello, loneliness,
 I think I am gonna cry”⁷

Осенний пролет шел к концу, и птиц становилось все меньше. Последние стайки мигрирующих белых трясогузок концентрировались на мелководных перекатах реки Кедровки, протекавшей метрах в ста от моего дома. Как-то раз я сидел здесь на берегу, фотографируя этих птиц, более чем обычных в заповеднике. Вдруг я заметил среди них одну, резко отличную от всех прочих. Она вела себя осторожнее других, и мне пришлось предпринять несколько попыток приблизиться, чтобы сделать пару другую снимков. После этого она исчезла.

Придя домой, я почувствовал, что эту странную трясогузку необходимо добыть для коллекции. Едваждавшись утра, я взял ружье и направился к месту вчерашних наблюдений. Птицы, как и следовало ожидать, здесь не было. Шансы увидеть ее вновь были минимальны. Тем не менее, я решил попробовать.

Моя ошибка состояла в неверном выборе обуви для экскурсии. Накануне день был довольно теплым, и я по привычке надел кеды. Но за ночь ситуация существенно изменилась. Наступивший день был, пожалуй, первым, предвещавшим приближение зимы – ведь был уже конец октября. В поисках трясогузки я около двух часов бродил вверх и вниз по галечному руслу реки, едва прикрытому слоем воды, которая была мне по щиколотку. Птицу я в конце концов все же нашел и застрелил, но в результате заработал страшный радикулит, который отравлял мне существование многие последующие годы.

Однако, как оказалось, игра стоила свеч. Птица оказалась японской трясогузкой – новым видом для фауны не только заповедника но и тогдашнего Советского Союза в целом. Сейчас я думаю, что экземпляр, добытый мной, мог быть и не той же самой птицей, которую я видел накануне. Об этом говорит тот факт, что японских

---

⁷ До свидания счастье, здравствуй одиночество, мне кажется, я заплачу

трясогузок орнитологи видели потом в южном Приморье еще несколько раз. Такие виды называют «регулярно залетными».

В этот же день я получил телеграмму из Москвы: «Родилась кудрявая девочка». В ответной телеграмме я предложил назвать ее Наташей. Так совпали два ярких события в моей жизни.

Первая зима. Синицы гаички

Наступило время вплотную заняться изучением образа жизни тех немногих видов птиц, которые остаются в холодное время года в заповеднике или прилетают сюда зимовать с севера. В окрестностях нашего поселка наиболее многочисленными оказались синицы – черноголовые, или болотные гаички. Этот вид очень близок к другому – буроголовой гаичке, именуемой также пухляком, с которым я был хорошо знаком еще в годы детства и юности. Сначала я, в роли юного натуралиста, принимал участие в прослеживании маршрутов стаяк этих птиц во время выездов на природу по выходным дням – под руководством Петра Петровича Смолина, а позже – Евгения Владимировича Флинта. Потом мы с моим однокурсником Мишей Шемякиным уезжали по воскресеньям за город на ловлю птиц, среди которых были и гаички, и их я не раз содержал дома в клетке.

Я говорю обо всем этом потому, что черноголовая гаичка и пухляк относятся к категории так называемых видов-двойников, и в этом смысле представляют особый интерес для орнитолога. Поэтому я решил сосредоточить внимание именно на этих синицах и описать в деталях их социальное и сигнальное поведение. Для этого следовало для начала поймать как можно больше особей, обитающих в окрестностях поселка и пометить их индивидуально.

Понятно, что методика отлова синиц была мне хорошо знакома. Чтобы поставить работу на поток, следовало первым делом обзавестись так называемой «манной птицей» («заманком») – гаичкой, которая, будучи приручена, играет роль «обманщика-предателя», издав издаваемыми ею звуками особей того же вида к ловушке. Для отлова я использовал устройство, издавна изобретенное русскими птицеловами. *Западня*, как ее называют, состоит обычно из трех отделений. В самое просторное, находящееся посередине, сажают заманку, а в два другие, находящиеся по обе стороны этой центральной клетки, кладут приманку. Например, мучных червей (личинок жука мучного хруща, легко разводимого в домашних условиях) а при их отсутствии – зерна конопли. Внешние стенки боковых отделений –

это дверцы, которые опускаются на пружинах до горизонтального положения. Они захлопываются, когда птица в попытке взять корм сдвигает сторожок.

Успех ловли зависит от вокальной активности заманка. Живя, вроде бы, в довольстве в теплом человеческом доме, такая птица оказывается в состоянии дефицита общения (так называемая *социальная депривация*). Поэтому, когда ее выносят в лес, она, едва слышав издали голоса своих сородичей, приходит в возбуждение и кричит («манит», как говорят птицеловы), почти не умолкая. Иметь такого крикливого заманка – это большая удача. Что касается ответных действий птиц, с которыми она переключается, то их мотивы могут быть неодинаковыми. Самцы, например, стараются проведать, что это за чужак оказался в его владениях. В таких случаях говорят о «ловле на драку». В других случаях птицы, видя заманка в клетке, проявляют повышенное любопытство к самой западне – предмету, который они видят впервые. Сев на ловушку, птица замечает приманку и, если голодна, ей уже не уйти.

Пойманных гаичек я кольцевал, помечал разные участки их оперения желтым либо малиновым красителем и заносил в реестр под порядковыми номерами. Трудность состояла в том, что у гаичек самцы и самки совершенно не различаются внешне, так что половую принадлежность помеченных птиц я определял потом, по их поведению.

Хочется рассказать об одном забавном эпизоде. Как-то раз я разглядываю в бинокль помеченную гаичку и отмечаю в дневнике, что это птица № 28. Когда она начинает издавать звуки, я понимаю, что это в действительности не болотная гаичка, а пухляк. Вот почему эти два вида относят к категории «двойников». Я держал птицу в руках, кольцевал и наносил краску на ее оперение, не заметив при этом, что она принадлежит не к тому виду, который я изучаю. А все дело в том, что основные различия между болотной гаичкой и пухляком касаются не их внешнего облика, а лишь систем вокального поведения. Голоса тех и других хорошо различаются на слух.

В мое оправдание следует сказать, что до этого случая пухляк не значился в списке обитателей заповедника. Поэтому мне и в голову не приходило, что такая птица может оказаться в ловушке. В результате же перечень местной орнитофауны обогатился еще одним видом.

В другой раз я впервые познакомился воочию с тем видом пернатых, который стал одним из основных объектов моих исследований полтора года спустя и оставался им на протяжении сорока девяти лет, вплоть до 2009 года (см. об этом в

главе ##). Я имею в виду сорокопутов. Вот я сижу на полянке, в центре которой западня с перепархивающей в ней гаичкой. Внезапно та начинает дико метаться, а в следующее мгновение на ловушку садится птица вдвое крупнее моего заманка. Она ломится сквозь прутья клетки, облетая ее справа и слева и пытаясь схватить гаичку. Все происходит настолько стремительно, что я не сразу понимаю, что настойчивый хищник – серый сорокопут. Эти птицы – сравнительно немногочисленные зимние гости заповедника, прилетающие сюда с севера. В итоге – еще один новый для меня вид в фауне этого региона.

К началу весны я уже довольно много узнал о том, как организованы взаимоотношения в популяции гаичек в зимний период. Удалось установить, что молодые этого года рождения, став самостоятельными в первые два-три месяца жизни, покидают затем участок родителей. Обосновавшись в новом месте, такая особь проводит здесь всю зиму, кочуя в обществе других двух-четырех гаичек в пределах участка леса радиусом порядка 400 м. Такая группа состоит из семейной пары взрослых птиц, которые уже гнездились здесь в этот год и в предыдущие, и одной или двух особей-первогодков, переместившихся сюда осенью. В марте следующего года молодая гаичка находит полового партнера. Сформировавшаяся пара занимает собственную гнездовую территорию близ места зимовки обоих молодоженов или кого-нибудь одного из них. Иногда им удается оставить за собой часть участка той пары взрослых, в пределах которого они держались зимой. Интересно, что такой раздел происходит вполне мирно, что говорит об отсутствии у этого вида того, что именуется строгой территориальностью. Насколько можно было судить по результатам двухлетних наблюдений, пары у гаичек сохраняются в первоначальном составе до гибели кого-либо из партнеров⁸.

Я собрал также множество сведений о кормовом поведении этих птиц, убедившись в поразительном разнообразии способов добывания пищи – в соответствии с постоянно меняющимися внешними условиями. Они прекрасно осведомлены о степени обилия и доступности семян и плодов разных растений (травянистых и древесных пород) в разных точках участка своего обитания. Соответствующим образом организованы маршруты кочевок осеннее-зимних стай. Когда запасы растительных кормов оскудевают с наступлением заморозков, эти

---

⁸ Подробно об этом можно узнать из моей статьи «Биология и поведение черноголовой гаички *Poecile palustris brevirostris* Tasz. на крайнем юге Приморья» (с. 98-112 в: «Орнитологические исследования на юге дальнего востока». Владивосток), а более популярном изложении – из главы 9 моей книги «Знаки, символы, языки (2010, изд. 7 дополненное и исправленное М.: ЛКИ. 502 с.).

синицы прилетают кормиться водными насекомыми. Они лазают под кромку наледей у берега реки, вытаскивают из воды личинок ручейников и поедают их, предварительно раздолбив клювом домик, сделанный насекомым из крупных песчинок.

В деталях было описано также все разнообразие поз и звуков, которые наблюдаются при взаимодействиях этих птиц друг с другом. Уже тогда мне показалось, что нет какой-либо однозначной связи между характером телодвижений, которые особь проделывает при сближении с другой, и самим контекстом социального контакта. Например, в период формирования пар самцы принимают одну и ту же характерную позу перед любой встреченной им гаичкой – будь то самец-соперник или потенциальный половой партнер. Как уже было сказано, у этих птиц самцы и самки не различаются по внешнему виду, так что можно было предположить, что такого рода демонстрации служат частью механизма опознавания пола. Если ответная реакция та же, что и транслируемый сигнал, то особь, выполняющая ее, скорее всего – самец. Если же ответ иной, то этот второй участник взаимодействия может быть самкой, хотя и не обязательно.

Во всяком случае, напрашивалась мысль, что внутри всего разнообразия акций и поз, которые выглядели в качестве «сигнальных», очень трудно выделить некие однозначно выраженные их конфигурации и, соответственно, провести четкие границы между ними. Создавалось впечатление, что все они плавно переходят одна в другую. Или, иными словами, речь может идти о континууме, в основе которого лежат постепенные (подчас кратковременные) изменения физиологического состояния особи, например, уровня ее готовности вступить в прямой конфликт с другой. В поведении, которое я называл тогда «агрессивным», были условно выделены шесть таких уровней. Первому, низшему из них, соответствует следующее поведение: птица начинает ударять клювом о ветку, на которой сидит. На втором уровне она делает то же самое, но перевернувшись и повиснув спиной к земле. Третьему уровню соответствуют распушение оперения и короткие прыжки вдоль ветки, переходящие в полет в сторону оппонента, и т.д.

Все это важно в том отношении, что уже тогда у меня зародилось сомнение в справедливости господствовавших взглядов, согласно которым коммуникация у птиц осуществляется посредством неких высоко стереотипных (ритуализованных) демонстраций, обладающих определенным сигнальным «значением». Альтернативная схема описания и структурно-функционального анализа этой категории поведения птиц была разработана мною много позже, на примере других

видов, именно, каменок. Об этом я расскажу подробно в главе 2. Схема, о которой идет речь, послужила основой моей концепции коммуникации у животных, изложенной в книге «Парадокс непрерывности: языковой рубикон. О непроходимой пропасти между сигнальными системами животных и языком человека» (глава #).

Что касается звуков, то в начале 1960-х годов я опознавал шесть хорошо различимых акустических конструкций, лишь половина из которых казались действительно приуроченными к более или менее определенным ситуациям. Первый магнитофон отечественного производства «Романтик», работающий на батарейках, поступил в продажу лишь почти десять лет спустя. Он был довольно громоздким, но все же позволял каждому желающему успешно записывать голоса птиц. Позже я стал пользоваться гораздо более удобными в обращении иностранными миниатюрными диктофонами с встроенным либо выносным микрофоном, которые изредка попадались тогда в комиссионных магазинах.

Наконец-то уссурийские зуйки!

Приближалась весна, и я с нетерпением ждал того времени, когда смогу, наконец, приступить к изучению вида, интерес к которому привел меня в заповедник. Из старой орнитологической литературы я узнал, что уссурийские зуйки прилетают с зимовок в последних числах марта – начале апреля. Стало также ясно, что птиц этих найти будет не так просто. Вид считали редким. Правда, выдающийся русский орнитолог С.А. Бутурлин писал в 1910 г следующее: «Видимо, уссурийский зук относится к числу тех редких видов, которые редки только потому, что обитают в пределах Российской империи, где людям некогда заниматься такими пустяками, как изучение родной природы».

Оказалось, все же, что ученый был в данном случае не вполне прав. Найти гнездящуюся пару зуйков, что дало бы возможность описать брачное поведение этих птиц, оказалось делом нелегким. Искать их следовало по берегам средней величины рек, текущих на восток с хребта Черные горы на границе СССР и Китая и впадающих в Амурский залив. Река Кедровка, где я ежедневно брал воду, для этой цели явно не подходила – она была слишком маленькой и лишенной обширных отмелей, пригодных для жизни уссурийских зуйков. Поэтому я решил начать поиски, обследовав берега реки Сидими, протекающей южнее заповедника.

К вечеру 8 апреля я, проехав пару часов на поезде, оказался на кордоне заповедника в поселке Верхний Сидими и переночевал здесь. С утра я прошел

несколько километров вдоль реки Сидими⁹ и понял, насколько трудная задача меня ожидает. Отмели здесь казались огромными, несопоставимыми по площади с теми, на которых я изучал малых зуйков на реке Пра. Они были шириной метров по 100, и каждая простиралась в длину на 300-400 м. Отмели были совершенно голыми, лишенными какой-либо кустарниковой растительности, так что приблизиться незаметно к птицам, за которыми предстояло наблюдать, можно было только ползком, замирая в неподвижности время от времени.

Именно так мне пришлось вести себя, когда я, к своему восторгу, обнаружил пару зуйков. Записывать увиденное в полевом блокноте при таком положении дел было нереально. Поэтому я напряженно пытался сохранить в памяти как можно больше деталей тех уникальных событий, которые проходили у меня перед глазами. Лишь бы ничего не забыть, твердил я себе. К счастью, брачные игры повторялись с определенным постоянством с промежутками около полутора часов. Так я провел, лежа на влажном песке и глядя в бинокль, не менее шести часов.

Погода в этот день была пасмурная, а температура воздуха – где-то около 5⁰С. К тому времени, когда я почувствовал, наконец, что надо заставить себя прервать наблюдения и передохнуть, меня била крупная дрожь. Я встал и пошел к полосе кустарника, окаймлявшего отмель с внешней стороны. Надо было наломать сухих веток и развести костер. Но руки тряслись так сильно, что даже эти простейшие действия давались мне с огромным трудом. Согретьшись у костра и выпив кружку чая, я записал в дневнике все, что удалось увидеть, и сделал наброски поз самца и самки при их взаимодействиях около гнездовой ямки. «Дело сделано», – без конца твердил я себе торжествуя.

Оказалось, что брачное поведение уссурийского зуйка в общей схеме во многом сходно с тем, что мне было известно о зуйке малом. Впрочем, обнаружились и некоторые существенные различия. Например, и самец, и самка перед брачными играми не бегут к гнездовой ямке, как это происходит у малых зуйков, а преодолевают расстояние до нее в полете. Самец, лежа в ямке, непрерывно издает особый звуковой сигнал, тогда как самец малого зуйка остается в это время молчаливым. Подробное описание различий в поведении этих видов содержится в статье, опубликованной двумя годами позже¹⁰. Она обратила на себя внимание

⁹ В [1972 году, в связи с ликвидацией в Приморье всех китайских названий](#) река получила новое имя – [Нарва](#).

¹⁰ Подробное описание различий в поведении этих видов содержится в статье: Панов Е.Н. 1963. О систематическом положении уссурийского зуйка *Charadrius placidus* (по этологическим данным). Зоол. журн. 42 (10): 1546 -1553.

одного из классиков отечественной зоологии, Владимира Георгиевича Гептнера, который, как я узнал позже от Н.Н. Воронцова, сказал, что «у нас появился, наконец, первый этолог».

Всего за эту весну я прошел в поисках зуйков по берегам Сидими и двух других рек того же характера около 35 км. За все эти экскурсии я встретил всего лишь 11 особей этого вида. В большинстве случаев это были одиночные птицы, преимущественно холостые самцы. Наблюдения за их поведением позволили мне близко познакомиться с явлением так называемой *межвидовой территориальности*.

Дело в том, что на тех же отмелях гнездились в значительном количестве и мои любимые малые зуйки. Там, где особи обоих видов оказывались вместе, они конфликтовали друг с другом таким образом, словно принадлежали к одному и тому же виду. Я подробно описал две такие ситуации. В одном случае холостой самец уссурийского зуйка, удерживавший за собой большую отмель, не позволял обосноваться на ней парочке малых зуйков, которые намеревались устроиться здесь же. Хозяин территории третировал претендентов на нее в течение целого дня, изгонял их прочь каждый раз, когда пришельцы вновь и вновь прилетали на приглянувшуюся им отмель. Малые зуйки в конце концов оставили эти попытки и загнездились на соседней отмели.

В другом случае пара малых зуйков, в гнезде которых яйца были уже насижены, всячески препятствовала попыткам холостого самца уссурийского зуйка посещать небольшой островок – их гнездовую территорию. Особи этих двух видов существенно различаются по размерам (уссурийский зук примерно в полтора раза крупнее). Однако по окраске оперения они весьма сходны, и именно это обстоятельство ведет к явлению, которое я называю «ошибками» в опознавании видовой принадлежности оппонента. Этот же фактор служит причиной гибридизации между близкими видами птиц и других животных, о чем будет подробно сказано в главах 6 и 7).

Наблюдения за ходом конфликтных взаимодействий между малыми и уссурийскими зуйками позволили мне выявить сходство и различия в агрессивном поведении обоих видов. Интересно, что различия эти оказались достаточно значительными, однако не мешали представителям каждого вида устойчиво расценивать противника в роли конспецифика¹¹. Это в очередной раз наталкивало на мысль, что при взаимодействиях между особями детали демонстрационного

---

¹¹ Конспецифики - особи, принадлежащие к одному и тому же виду.

поведения не несут информации решающего значения, а ход происходящего определяется скорее общим контекстом. Об этом же было сказано выше в разделе о синицах гаичках.

Полученные материалы легли в основу моей первой работы в русле так называемой сравнительной этологии. Это направление исследований дает фактический материал для суждений о том, какими могут быть преобразования поведения в ходе эволюции конкретной группы видов, родственных друг другу в силу их происхождения от некоего гипотетического общего предка. Кроме того, основываясь на степени различий в поведенческих особенностях сравниваемых видов, можно ориентировочно судить о самой степени их родства. А это момент, важный для систематики, занятой реконструкцией так называемых филогенетических деревьев, которые отображают ход процессов видообразования.

До того, как в моих руках оказались данные по сигнальному поведению уссурийского зуйка, некоторые орнитологи предполагали, что этот вид находится в очень близком родстве с галстучником (о котором я упоминал в начале главы), будучи чуть ли не его подвидом. Сравнение увиденного мной с описанием поведения галстучника, предложенным немецкими орнитологами, заставило меня отказаться от этой гипотезы. Много позже мне удалось описать в деталях брачное поведение еще одного вида зуйков – морского. Оказалось, что здесь отсутствует такой компонент, как разворачивание самцом хвоста над гнездовой ямкой. Когда самка, готовая к спариванию, приходит сюда, самец отходит на пару шагов вправо или влево и остается здесь, развернув хвост веером, пока самка лежит в гнезде сбоку от него. Все это говорит о том, что морской зук в составе рода *Charadrius* относится к группе видов, лишь отдаленно родственной той, куда относятся зуйки малый и уссурийский.

Гнездо уссурийского зуйка мне удалось найти лишь на следующий год на большой отмели реки Адими¹². До этого были известны гнезда этого вида только из Японии, но не существовало описания облика пуховых птенцов. [за те же два летних сезона я нашел на отмелях трех рек 50(!) гнезд малого зуйка]. Найденное мной гнездо содержало четыре яйца, из-под скорлупы которых доносился громкий писк птенцов. Они должны были вот-вот вылупиться. Я просидел несколько часов поодаль от гнезда. Три птенца вылупились в половине шестого вечера. До кордона, где я жил в это время, идти было довольно далеко, и чтобы добраться туда до темноты, надо было уходить. Я взял последнее оставшееся яйцо, зажал его в кулаке и пошел домой. Птенец продолжал отчаянно пищать.

---

¹² В 1972 году переименована в р. Пойма.

Придя на кордон, я положил яйцо на лежанку русской печки, стараясь не привлекать к своей находке внимание хозяев. К счастью, уже подходило время ложиться спать. За ужином хозяйка один раз встрепенулась, заслышав писк. «Да это мыши», – сказал хозяин. Я не стал возражать, побыстрее снова спрятал яйцо в кулак и лег спать, мысленно приказав себе не сжимать кисть руки слишком сильно. Так я оказался в роли зуйка, насиживающего кладку. Птенец вылупился около часа ночи. На следующее утро я увез его с собой на базу заповедника.

Он прожил у меня несколько дней, питаясь мучными червями, и погиб в результате несчастного случая. За это время я успел пронаблюдать за поведением пуховичка, измерить его, сфотографировать многократно и сделать с него рисунок акварелью. Эти изображения можно найти сегодня на моем сайте. Отпрепарированную тушку я позже передал в Зоологический музей МГУ.

Сорокопуть – подарок судьбы

Теплым солнечным утром 12 апреля следующего, 1962 года я вышел из дому, намереваясь пройти привычным, стандартным маршрутом по приморской равнине и посмотреть, как идет весенний пролет на берегу моря. Прямо от моего жилища в эту сторону шла просека, пробитая через заросли кустарника. Ее недавно расчистили, и большие кучи срезанных ветвей лежали сбоку от освободившегося прохода на равных расстояниях друг от друга.

Не доходя до одной из куч хвороста, я увидел на ее верхушке незнакомую мне птицу величиной поменьше скворца, которая вела себя необычным образом. Она держала хвост поднятым под углом к туловищу, задирала клюв кверху, странным образом вращала головой и при этом негромко пела. Тут я заметил, что в гуще срезанных веток снует вторая птица, более скромно окрашенная, которая, как мне показалось, что-то там разыскивает. События развивались стремительно. Первая из увиденных мной птиц тоже нырнула в гущу ветвей и, не переставая проделывать описанные телодвижения, стала по пятам следовать за второй.

Это были японские сорокопуть, которые, как вскоре выяснилось, избрали кучу хвороста в качестве места для будущего гнезда. Уже три дня спустя самка приступила к его постройке. Но ей пришлось бросить почти готовое гнездо, поскольку 17 апреля прошел сильный снегопад, и оно оказалось засыпанным снегом. Пара переместилась в соседнюю кучу хвороста и здесь довела дело до конца. По прошествии пятидесяти двух дней, 9 июня, шесть молодых сорокопутов оставили свою колыбель. Но взрослые птицы после этого не покинули свой участок. Уже 27 июня я нашел их новое

гнездо с семью яйцами, которое было на этот раз свито в нижней части кроны дикой яблони.

Еще одна пара загнездилась в начале апреля на той же просеке, тоже в одной из куч хвороста. Поскольку никаких сведений по биологии и поведению японских сорокопутов из пределов Приморья к тому времени собрано не было, я полностью сосредоточился на изучении образа жизни этого вида. Этим летом я нашел 19 гнезд японских сорокопутов.

Надо сказать, что мне неслыханно повезло. Позже я узнал, что в период длительностью шесть лет, с 1958 по 1963 годы, японские сорокопуты гнездились в заповеднике только в этом, 1962 году, и, как следует из сказанного, были в это лето весьма многочисленными. Уже в следующие два года их можно было встретить здесь лишь изредка, а после короткого подъема численности в 1965 году, они почти полностью исчезли из этого региона.

В то время как мои наблюдения за повадками японских сорокопутов находились в самом разгаре, в начале мая в заповеднике и его окрестностях появились в изобилии представители другого вида сорокопутов – сибирского жулана. Представилась блестящая возможность детального сопоставления всех особенностей этих, сравнительно близких видов – способов расположения и структуры гнезд, особенностей питания и, разумеется, деталей сигнального поведения, как характера демонстрационных поз, так и видоспецифической вокализации.

Оказалось, что в заповеднике гнездится еще и третий вид – тигровый сорокопут, прилетающий сюда с зимовок только на месяц позже японского и на два – сибирского жулана. В противоположность двум названным видам он мог быть отнесен к видам сравнительно редким, так что мне пришлось затратить немало усилий, чтобы получить достаточно сведений о его образе жизни.

Помимо всего прочего, на примере этих трех видов сорокопутов представилась возможность проверить справедливость системы взглядов, выдвинутых крупным британским орнитологом Дэвидом Лэком. Они изложены, в частности, в его замечательной книге «Дарвиновы выюрки», которой мы с А.А. Назаренко были увлечены в то время.

Суть этих воззрений состояла в следующем. Близкие виды птиц должны занимать разные местообитания, поскольку в противном случае между ними возникла бы острая конкуренция из-за пространства и кормовых ресурсов. И, во-вторых, совместное их обитание грозит опасностью тесных контактов между самцами одного вида и самками другого, что открывает возможность межвидовой гибридизации.

Вспомним сказанное выше (в разделе «Мы в заповеднике!») относительно представлений Э. Майра о «стремлении» вида к сохранению своей целостности и генетической чистоты, осуществляемого посредством экологических изолирующих механизмов.

Зимой 1961-1962 годов мы с Сашей Назаренко ездили в Иркутск, куда нас пригласили для участия в орнитологической конференции, организованной местным университетом, там мы встретились с Сергеем Павловичем Наумовым, братом неоднократно упоминавшегося Николая Павловича, человеком весьма независимых взглядов. Он отнесся к нам по-отечески и предложил посидеть в ресторане, где он хотел угостить нас шампанским. Разговор за столом зашел о том, чем именно мы занимаемся в заповеднике. Мы изложили ему систему взглядов Майра и Лэка, которые мы принимали безоговорочно, на что он сказал: «Неужели вы верите во все это?».

Увы, тогда мы свято верили в эти построения, позже оказавшиеся, с моей точки зрения, чисто умозрительными, и именно на них построена последняя, теоретическая глава книги, об истории написания которой рассказывается в этой главе. Позже много усилий было затрачено мной, чтобы показать несостоятельность концепции, о которой идет речь. Впрочем, уже тогда у меня стали появляться сомнения в ее справедливости, и почва для них была заложена, в частности, при сравнительном изучении сорокопутов, которых я тогда ошибочно относил к категории «близких» видов.

Здесь, на первый взгляд, все во многом укладывалось в предсказания гипотезы о важности экологических изолирующих механизмов. В самом деле, сроки весеннего прилета трех видов и начала их гнездования были разделены отрезками времени в месяц и более. В целом различными казались и типичные местообитания каждого вида. Сибирский жулан явно предпочитает гнездиться в кустарниках открытых пространств приморской долины и широких долин нижнего и среднего течения рек. Два другие вида тяготеют к более облесенным участкам местности в узких долинах верхнего течения рек и их небольших притоков, причем эта тенденция более выражена у тигрового сорокопуга. Однако в тех местах, где эти типичные для видов местообитания граничат друг с другом, все три вида формируют смешанные популяции. Например, в долине одного из притоков реки Монгугай на площади 150 га гнездились *вперемешку* 12 пар сибирского жулана, шесть – сорокопуга японского и три – тигрового. Каждая пара охраняла свою территорию от посягательств на нее особей как своего, так и двух других видов по принципу межвидовой

территориальности, подобно тому, как это происходило во взаимоотношениях двух видов зуйков.

Таким образом, автоматически устранялась или, по крайней мере, существенно снижалась гипотетическая конкуренция за кормовые ресурсы. Вопрос, однако, состоит в том, являются ли различия между интересующими нас видами в сроках начала гнездования и в приверженности к тем или иным местообитанием неким приспособлением, выработанным в эволюции ради устранения межвидовой конкуренции и предпосылок к гибридизации, или же причины становления различий, о которых идет речь, совершенно иные. Не таится ли здесь весьма распространенная ошибка, суть которой в том, что объяснение факторов, движущих некий эволюционный процесс, дают по наблюдаемому результату? В таких случаях глубинную сущность происходящего легко подменить его внешней видимостью¹³.

Д. Лэк исходил из предположения, что такого рода различия выработались в качестве адаптаций в ходе *сопряженной* эволюции близких видов, которые ныне обитают совместно в одном и том же регионе. Однако он и его последователи не принимали во внимание совершенно иной сценарий. Почему бы не предположить, что каждый из них зародился и эволюционировал в другом месте, в существенно иных условиях, к которым и шло его приспособление (например, оптимизация сроков начала размножения при существовавших тогда особенностях местного климата). И лишь затем, расширив свои ареалы, несколько таких видов оказались членами ныне существующего сообщества.

Как мне удалось установить позже, эволюционная история трех видов сорокопутов может служить примером именно такого хода событий. В другой моей книге, опубликованной 49 лет спустя, сказано следующее. «Пути миграций и зимовок сибирского жулана и тигрового сорокопута очевидным образом свидетельствуют о том, что местом их зарождения были крайние пределы юго-восточной Азии (древний субконтинент Сунда). Расселяясь затем к северу, они освоили территорию современного Китая и южную часть российского дальнего Востока в тот период, когда лесные массивы уступили здесь место саваннам. Как полагает А.А. Назаренко, это могло иметь место между 18 000 и 11 000 лет назад. Последующее расширение ареала сибирского жулана к северу и северо-западу, в регионы Сибири, происходило по мере того, как площади лесов сокращались здесь под воздействием хозяйственной деятельности человека, замещаясь открытыми пространствами. В результате этот вид расселился даже в высокие широты – вплоть до Полярного Круга.

---

¹³ Этот способ «объяснения по результату» таит в себе опасность движения в порочном логическом круге.

Что касается японского сорокопута, то он, в отличие от сибирского жулана и тигрового сорокопута, совершает лишь короткие миграции. Существование локальной изолированной популяции этого вида в провинции Ганьсу (центральный Китай) позволяет предположить, что место возникновения этого вида было локализовано в Центральной Азии»¹⁴. Выясняется, таким образом, что эти три вида не столь уж близки в своем происхождении, как мне казалось вначале.

Мы вынуждены уехать

В этот, третий год нашего с Наташей пребывания в заповеднике обстановка в нем начала осложняться. Назревал конфликт между нашим коллективом из трех человек и директором А.Г. Панкратьевым. Он был хорошим натуралистом¹⁵, но не нашел себя в науке, и потому, видимо, испытывал ревность к нашей увлеченности полевыми исследованиями. Не преуспел он и в качестве администратора – егеря относились к нему скептически.

Вспоминается такая сценка. Я сижу в конторе перед А.Г. Он, готовясь сделать мне очередной выговор, достает папиросу из пачки «Беломора» и, прежде чем закурить, отрывает с края на ее переднем конце кусочек папиросной бумаги вместе с крошечной щепоткой табака. Так он делал всегда, оттягивая начало серьезного разговора. Входит егерь Н.Н. Щербаков. Он слегка «под мухой» и начинает что-то возбужденно бормотать. Панкратьев говорит в ответ: «Николай Николаевич, уходите отсюда. Я мне надоело слушать ваш пьяный бред!». На что тот отвечает: «Я ухожу, потому что не хочу слышать ваш трезвый бред...».

Основная претензия Панкратьева к нам, «научникам», состояла в том, что мы «все делаем для себя, а не для заповедника». Как-то в начале года он сказал: «Я долго был хорошим, а теперь решил стать плохим. Будете по утрам приходить в контору и заниматься повседневными делами» – вместо того, чтобы шастать целыми днями по тайге. А что касается полевой работы, то я, например, по его словам, должен оставить эту никчемную возню с сорокопутами и заняться изучением рябчика – вида, важного для народного хозяйства, поскольку он служит объектом спортивной охоты. Мы, разумеется, не подчинились и продолжали гнуть свою линию.

Со стороны Панкратьева посыпались жалобы начальству Биолого-почвенного института во Владивостоке, в подчинении которого находился заповедник. Там наш

¹⁴ Panov E.N. 2011. The true Shrikes (Laniidae) of the world. Ecology, behaviour and evolution. Pensoft. Sofia–Moscow: 743-744.

¹⁵ Мы даже написали небольшую совместную книжку в соавторстве с тогдашним директором владивостокского Биолого-почвенного института: Васильев Н.Г., Панкратьев А.Г., Панов Е.Н. 1965. Заповедник «Кедровая падь». Владивосток. 58 страниц плюс 48 фотографий, преимущественно моих.

директор нашел полную поддержку не только со стороны руководства Института, но и, что было главным, в лице высшего начальства – А.С. Хоментовского, члена-корреспондента АН СССР и председателя Президиума Дальневосточного филиала СО АН СССР. Тот был постоянным гостем Панкратьева и пользовался из его рук «дарами природы», в частности, красной икрой нерки, браконьерски добывавшейся в заповеднике.

Особенно конфликт обострился после следующего эпизода. Проходя как-то вдоль Кедровки, я заметил странное бурление воды в метре-двух от берега. Это билась выдра, попавшая в капкан. Я был в высоких резиновых сапогах и опрометью бросился на помощь животному. Но это оказалось не в моих силах. Свирепый зверь размером с собаку средней величины мгновенно прокусил мне сапог. Я понял, что в одиночку не смогу освободить выдру. Вылив воду из сапога, я напрямик направился к Панкратьеву.

«Александр Георгиевич, – спросил я, – а кто это ловит капканами выдр всего лишь в километре от базы заповедника?». «Понимаете, Евгений Николаевич, – последовал ответ, – ведь я тоже зоолог и должен собирать материал по биологии млекопитающих». «Но не в заповеднике же отлавливать животных, находящихся под охраной закона!» - говорю я. И мы пошли освобождать выдру. Операция прошла успешно. Покалеченный зверь заковылял в сторону от реки, полежал неподвижно минут двадцать и ушел в сопки.

На следующий день я, выбрасывая мусор на помойку, увидел среди прочегохлама стопку музейных этикеток. Не помню точно, сколько их было, но кажется, что-то около десяти. На каждой было написано: «Выдра речная *Lutra lutra*» и место добычи: Заповедник «Кедровая падь». Тут я вспомнил, что чуть ли не в первый день нашего пребывания в заповеднике Панкратьев намекнул мне, что мы могли бы зарабатывать, поставляя материал для изготовления шапок из пушнины. Я тогда лишь удивленно посмотрел на него, и разговор не возобновлялся.

Поскольку мы вынуждены были отстаивать свои позиции в заповеднике любым доступным способом, я ухитрился передать этикетки в дирекцию Института (из заповедника во Владивосток Панкратьев нас не отпускал). Но эффект оказался обратным. Панкратьева не наказали, а давление на нас усилилось. Дошло до того, что вызвали комиссию для проверки нашей работы аж из Москвы. Приехавшие полностью одобрили наши результаты и даже удивлялись тому, как много нам удалось сделать за два года. Но наше положение от этого не улучшилось. На нас ополчилось все руководство Института. Единственным человеком, который оказывал

нам посильную моральную поддержку, был ботаник В.А. Розенберг, автор книги «Леса СССР. Том 2»¹⁶. Я с благодарностью вспоминаю его участие в нашей судьбе.

Особенно раздражало власть предрежащих наше «умствование» и «теоретизирование», как выглядели в их глазах попытки осмысливать накапливающиеся фактические данные в свете эволюционной теории. Упрекали нас и в том, что мы все время ссылались на авторитеты западных ученых. К их числу ими был причислен, по недоразумению, и наш крупный отечественный ученый Георгий Францевич Гаузе, выдвинувший и подтвердивший экспериментально так называемый принцип конкурентного исключения (именуемый иногда законом Гаузе), согласно которому два близких вида не могут устойчиво существовать в ограниченном пространстве¹⁷. На одном из заседаний ученого совета Института, куда нас вызвали «на ковер», заведующий лабораторией паразитологии, доктор биологических наук, профессор П.Г. Ошмарин высказался примерно так: «Ссылаются все время на иностранцев, на какого-то Гаузе...». А.А. Назаренко, состоявший, как и я, в должности старшего лаборанта, в ответ сказал: «Петр Григорьевич, я бы не стал на Вашем месте столь публично демонстрировать свое невежество. Гаузе – выдающийся советский ученый».

Вскоре после этого А.А. Назаренко перевели из заповедника на Горно-таежную станцию, что близ города Уссурийска, а мы с Наташей собрали вещи и уехали в Москву. Таков был мой первый опыт ознакомления с порядками в нашей прославленной Академии наук (тогда с приставкой СССР, много позже – Российской Федерации).

Жаль было оставлять эти замечательные места. Перед отъездом я в последний раз вышел на берег Кедровки. На мелководье в этот момент держались несколько голубых сорок. Они перепрыгивали с камешка на камешек, держа вертикально, чтобы не замочить, свои длинные, ступенчатые бирюзовые хвосты. Эта безмятежная картина еще долго оставалась в моей памяти, ассоциируясь с ностальгией по заповеднику.

Второй приезд в заповедник

Это случилось 3 года спустя, когда я жил и работал уже в совсем другом месте – в новосибирском Академгородке, в Лаборатории эволюционной генетики Института

---

¹⁶ Розенберг В.А., Васильев Н.Г. 1969. Леса СССР II. М.: Наука.

¹⁷ В 1934 г. в США была опубликована на английском языке книга «Борьба за существование» (The struggle for existence), оказавшая большое влияние на дальнейшее развитие экологии

цитологии и генетики Сибирского отделения Академии Наук СССР. Заведующий лабораторией Николай Николаевич Воронцов настаивал на том, чтобы я по материалам, собранным в заповеднике, написал кандидатскую диссертацию и как можно скорее защитил ее. Во время работы над диссертацией мне впервые пришла в голову идея оформить ее в виде книги.

Я сказал об этом Н.Н. Воронцову и добавил, что хорошо было бы дополнить материал, собрав данные о птицах необследованных территорий крайнего юга Приморья. Шеф дал добро и предложил мне в спутники Владимира Михайловича Смирнова, опытного таежника, состоявшего в коллективе нашей лаборатории. Обдумав план поездки, мы с ним решили сначала побывать в самом заповеднике, а затем проделать пеший маршрут в горную часть Хасанского района, никем ранее не исследованную. Это хребет Черные горы, по которому и ныне проходит государственная граница между Россией и Китаем.

В заповеднике, куда мы прибыли 17 июня, остановились в том самом доме, где я жил в прежние годы и который теперь пустовал. Никого из старых моих сослуживцев здесь уже не осталось, кроме директора А.Г. Панкратьева. Уже на следующий день была запланирована поездка в поселок Посъет, где базировалось начальство Хасанского пограничного отряда. Там нам следовало получить пропуска в зону, непосредственно прилегающую к государственной границе, включая участки, лежащие за контрольно-следовой полосой.

По железной дороге Владивосток-Хасан нам нужно было проехать 110 км прямо на юг, до станции Махалино. В те годы поезда на Посъет еще не ходили, и нам пришлось добираться туда на автобусе. К счастью, этот отрезок пути занял у нас не более получаса. Посъет – это поселок городского типа, расположенный на Новгородском полуострове, вдающемся в залив одноименного названия. Местный морской порт лежит примерно на широте Сочи. До южной границы СССР в Приморском крае, где начинается территория Северной Кореи, отсюда всего лишь 53 км¹⁸.

Мы переночевали на базе владивостокского института ТИНРО¹⁹, где нас приютил экспедиционный отряд ленинградских гидробиологов, основательно выпались, а к началу рабочего дня отправились на прием к пограничникам. Когда

---

¹⁸ Это самая короткая сухопутная граница России, ее длина составляет 17 км.

¹⁹ Тихоокеанский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии.

мы получали пропуска, офицер, выдававший их, сказал: «Если вы встретите там китайских пограничников, и они будут предъявлять вам претензии, говорите, что это территория наша, согласно договорам 1858 и 1960 годов». Как мы увидим позже, Володя Смирнов крепко запомнил это наставление и держал в памяти до тех пор, пока три недели спустя мы случайно не забрели в Китай.

Ландшафт крайнего юга Хасанского района между поселками Посыет и Хасан резко отличается от того, который характерен для заповедника «Кедровая падь» и окружающих его территорий. Это открытая всхолмленная равнина с разбросанными там и тут небольшими рощицами монгольского дуба. Ландшафт, довольно однообразный, оживляется присутствием множества мелководных озер, самые обширные из которых – Тальми и Хасан. Володя Смирнов оказался в Южном Приморье впервые и не хотел возвращаться в заповедник сразу, не ознакомившись со здешней природой. Я охотно пошел ему навстречу, поскольку и сам ранее не бывал в этих местах. Было очевидно к тому же, что новые сведения о птицах, которые я смогу получить здесь, будут совсем не лишними в моей будущей кандидатской диссертации.

Хорошо, что мы догадались захватить с собой одноместную палатку. Доехав на попутной машине до поселка Лебединое, расположенного ближе всего к озеру Тальми, переночевали здесь на железнодорожной станции, а утром отправились к нему пешком. Мы провели в этих местах пять дней и не пожалели об этом.

Для Смирнова новым было все увиденное. А мне все время не давал покоя какой-то странный звук – негромкое глухое гудение, источник которого я никак не мог определить. Подходишь тихо-тихо к месту в траве, откуда он слышится – ничего, а звук идет уже не оттуда, хотя, кажется, тот, кто его издает, очень близко. Володя ухитрился все-таки застрелить этого «кого-то». Им оказалась птица трехперстка, обитающая в России только на крайнем юге Приморья. Замечательна она и тем, что токуют неподалеку друг от друга не самцы, а самки. Они крупнее особей сильного пола и окрашены гораздо ярче их. Именно самка и оказалась в нашей коллекции. Трехперсткам свойственна также так называемая *реверсия половых ролей*: яйца насиживают только самцы.

Во время экскурсий по берегам озера и в его окрестностях я нашел гнезда тигрового сорокопута и овсянки Янковского – вида, который в пределах России встречается только здесь. Позже, когда мой первый учитель-орнитолог Владимир Евгеньевич Флинт, страстный коллекционер птичьих яиц, узнал, что у меня есть гнездо и кладка этой овсянки, он сказал, что отдаст за него все, что я только захочу.

Так я приобрел толстый том рисунков классика анимализма Джона Одюбона «Птицы Америки».

Поход на хребет Черные горы

24 июня мы вернулись в заповедник, откуда собирались приступить ко второму этапу нашей экспедиции, гораздо более сложному. Собравшись основательно, доехали на поезде до поселка Нижний Адими, и по долине реки Адими двинулись вверх по ее течению на запад, в сторону границы с Китаем. Уже начало смеркаться, но мы решили заночевать позже, преодолев часть пути к пограничному хребту. Ночь оказалась безлунной, а темнота такая, что «хоть глаза выколи». Разумеется, никакой дороги здесь быть не могло, так что шли мы по «целине», чертыхаясь, когда попадали в густые заросли. Хорошего места для ночевки все не попадалось, и мы упрямо шли до рассвета. Первоначально такой переход никто не планировал и отчасти поэтому мы не запаслись хорошими фонарями. Правда, более важной причиной было желание сократить до минимума вес наших рюкзаков – ведь всю провизию на недельный переход нам пришлось нести с собой. В итоге мы пытались противостоять полной темноте с помощью маленького фонаря-«жужжалки», который работал только при непрерывном нажатии рукой на рычаг и давал очень мало света.

Внезапно преграды в виде кустарниковых зарослей почему-то исчезли, и мы пошли по ровному месту. Это казалось чудом в столь глухой местности, но мы в тот момент не придали этому особого значения. Позже выяснилось, что мы прошли с десятков километров по хорошо расчищенной контрольно-следовой полосе, наступать на которую не имеют права даже сами пограничники. А я проделал этот путь в новеньких *китайских* кедах.

Ранним утром мы вышли прямо к избушке, принадлежащей системе пограничного надзора. Войдя в нее, мы увидели человеческое существо небольших габаритов, лежащее на нарах под чем-то, отдаленно напоминавшим одеяло. Володя, крупный мужчина с хорошо поставленным голосом, желая быть услышанным сразу, гаркнул: «Здравия желаем!». Паренька словно ветром сдуло с нар, и он тупо уставился на нас. Мы показали ему наши пропуска и сели завтракать, чем Бог послал. Не исключаю, что мы выпили и по несколько глотков спирта из фляжки, извлеченной из рюкзака Смирнова. Разумеется, этот момент нашей трапезы мы постарались не афишировать перед Леной (так, кажется, звали солдата).

Покончив с завтраком, мы завалились спать на нарах. Разбудил нас какой-то беспорядочный шум в помещении. Спустив ноги с нар, мы увидели, что прямо перед

нами стоит Ленья, взяв на изготовку автомат Калашникова. До противоположной стены было менее трех метров, так что дуло автомата почти касалось наших колен. «П-п-предъявите ваши документы», – бормотал Ленья. Он был совершенно пьян: пока мы спали, он обследовал содержимое рюкзаков, нашел фляжку и отпил из нее хорошую порцию.

Мы попытались напомнить солдатику, что он уже проверил наши документы. Но тот был непреклонен и продолжал настаивать на своем. А мы опасались двигаться, полагая, что он может нажать на спуск случайно. Долго все это продолжаться не могло. «Давай отнимем у него ружье», – тихо сказал я Смирнову. «Да неудобно разоружать пограничника при исполнении служебных обязанностей», – ответил он. Нам оставалось только пассивно ожидать дальнейшего развития событий, полагаясь на счастливый случай. К счастью, порция спирта, «принятого на грудь» Леньей, была достаточно велика. Он начал пошатываться и, наконец, свалился на пол, выпустив автомат из рук.

В середине дня к избушке подошли еще двое пограничников. Они рассказали нам, что Ленья утром, пока мы спали, звонил на заставу и почем зря материл начальство. Когда тот проснулся, они стали говорить ему, что его ожидают большие неприятности, и что для оправдания ему надо говорить: «Я упал с дерева». Ничего умнее им в голову не приходило.

Мы с Володей поняли, что эта компания не слишком нам подходит и, несмотря на то, что шел сильный дождь, решили двигаться дальше. Обширная вырубка, посреди которой стояла избушка, заросла травой нам по грудь. Эта буйная травянистая растительность была буквально пропитана водой, так что, когда мы дошли до леса, одежду можно было выжимать. Пройдя несколько километров по тайге, мы увидели толстый поваленный кедр. Кое-как нам удалось поджечь его снизу, где еще оставались участки коры, не пропитанные насквозь водой. Огонь был настолько хорош, что наши вещи быстро высохли даже на дожде. Мы поставили палатку и легли спать.

Утро наступило чудесное, яркое солнце просвечивало сквозь густые кроны деревьев. Нам предстояло для начала подняться на гребень хребта. В седловинах его высота не превышала 300 м над уровнем моря, так что подъем оказался несложным. Спустя пару часов мы увидели «забор» из колючей проволоки. За ней простиралась владения Китая.

Дальше нам следовало двигаться по гребню хребта на север, оставляя колючую проволоку слева. Трудно было не признать, что ограда, разделяющая территории двух

великих держав, пребывает далеко не в идеальном состоянии. Проволока была насквозь ржавой, столбы, которые должны поддерживать ее на весу, во многих местах сгнили и упали, так что она лежала на земле, кое-где свитая в безобразно запутанные кольца. В таких местах «забор» скрывался в высокой траве.

Неудивительно поэтому, что спустя какое-то время мы обнаружили, что колючая проволока идет уже не слева, а справа от нас. Стало ясно, что мы уже в Китае. «Это территория наша, согласно договору 1860 года!» - дико заорал Смирнов. В этот момент я увидел нечто, что в тот момент интересовало меня больше, чем территориальные отношения двух государств. На верхушке высокого полусгнившего пня покоилось массивное гнездо довольно редкой птицы – золотистого дрозда. В нем были уже сильно подросшие птенцы. Я осмотрел гнездо, занес данные в полевой дневник, и мы отправились назад, на родину. С тех пор мне в Китае не пришлось побывать ни разу.

Погода была крайне неустойчивой, что вообще характерно для летних месяцев в Приморье. В один из дней дождь и туман были настолько сильны, что мы были вынуждены целые сутки пролежать в палатке. Мне приходилось вылезать из нее по малой нужде, а Смирнов издавна выработал методику, которая избавляла его от этого. Он возил с собой грелку, трубка от которой выводилась наружу под боковой стенкой палатки, так что у него проблем с этим не было. Гораздо труднее оказалось в темноте пропитанной водой палатки, при слабом свете фонаря-«жужжалки», извлечь клеща, присосавшегося в самой глубине его пупка. Не помню точно, но, кажется, голова клеща там и осталось, что сильно обеспокоило нас обоих, поскольку в этих местах совсем нетрудно было заработать клещевой энцефалит.

Дней через пять-шесть мы вышли к верховьям реки Сидими, так что настало время спускаться вниз по ее долине. Вскоре перед нами показалась избушка пограничников, вроде той, с посещения которой начались наши приключения. На этот раз, к счастью, она была пуста, и мы решили заночевать в ней. Беда была в том, что Володя все-таки заболел. У него поднялась температура, и он сразу повалился на нары. Провизия у нас кончилась полностью, а больного спутника следовало хоть чем-то покормить. Я решил сварить бульон из ошейниковой совки, которую мы подстрелили для коллекции по дороге.

Но птичка была уж слишком мала, и я решил попробовать хоть как-то увеличить порцию мяса для вечерней трапезы. Около избушки держалась парочка седоголовых дятлов. Я зашел в избушку, зарядил ружье и приоткрыл дверь настолько, чтобы видеть происходящее вокруг, оставаясь невидимым для этих птиц. Но их следовало как-то

заинтересовать, чтобы они приблизились на расстояния выстрела. Поэтому я начал подражать, как мог, их голосу. Держа ружье наизготовку высунутым в дверную щель, я раз за разом повторял тонким голосом нечто вроде «кю-кю-кю-кю...». Как ни странно, прием сработал, и мне удалось застрелить одного из дятлов. Бульон из него и совки, сваренный в солдатском котелке, оказался достаточно наваристым, хотя и совершенно пресным: соли у нас уже не было.

Увы, на этом наши неприятности не закончились. На следующий день, когда мы шли вниз вдоль пологого склона долины, Смирнов вдруг сказал: «Жень, смотри, вокруг воронки дымятся». Я насторожился, но мог лишь ответить что-то вроде того, что дымятся они не слишком сильно и что процесс уже закончился. «Но никто не сказал, что не могут появиться новые», – заметил он. Так или иначе, мы стали подозревать, что попали под обстрел, куда более серьезный, нежели ружейный.

Спрятаться было негде – кругом рос лишь жидкий кустарник. Это-то нас и спасло. Мы увидели, что в нашу сторону мчится на полной скорости военный джип. Из него выскочил разгневанный майор в сопровождении двух солдат. «Хорошо, что мы увидели вас и прекратили учения», – закричал офицер. «Мы стреляем минами такого-то калибра, и осколки, как пчелки разлетаются и поражают все живое вокруг». Это была шутка, но следующий вопрос был задан уже вполне серьезно, если не угрожающе. «А что вы, вообще, здесь делаете?».

Мы шли от китайской границы в таком месте, где пребывание каких-либо людей казалось военным совершенно необъяснимым. Они были уверены, что поймали шпионов. Представьте себе, как могли выглядеть двое, прошедшие более недели в глухой тайге. Помню лишь, как сквозь дыры в тренировочных брюках В.М. Смирнова просвечивало его малинового цвета нижнее белье. К тому же мы оба были вооружены, а на груди у каждого висел полевой бинокль. Володя вытащил откуда-то из-за пазухи полиэтиленовый пакет с нашими пропусками, долго возился, извлекая их из пачки других бумаг, и инцидент был, таким образом, исчерпан. Мы пошли дальше, а солдаты, стоящие вокруг гаубиц, провожали нас недоуменными взглядами. Через три-четыре километра, когда мы вышли уже на дорогу, то увидели шлагбаум с надписью: «Стрельбище. Проход и проезд запрещен».

Снова в заповеднике

Когда мы вернулись на базу, лето было в разгаре: заканчивалась первая декада июля. Я решил поработать здесь хотя бы пару недель, чтобы уточнить некоторые детали,

важные для моей будущей диссертации. Не буду вдаваться в подробности, а расскажу о некоторых забавных эпизодах, сопровождавших наше пребывание здесь.

Незадолго до этого сюда на летнюю практику приехал студент МГУ, имени которого я, к сожалению, не запомнил. Он уговорил нас включить его в нашу бригаду на время работы в заповеднике. С ним связана пара забавных эпизодов, так что я буду далее называть его *N*. Он до приезда в заповедник читал мой очерк об этих местах в альманахе «Вокруг света», где я упомянул, что в этих местах обитают дальневосточные леопарды. Чуть ли не при первой встрече *N* усомнился в справедливости этого утверждения. И вот, на следующий день мы с ним вдвоем решили отправиться в тайгу, где в восьми километрах от базы располагалась избушка, в которой в разные годы хотя бы по разу переночевали все зоологи, посещавшие заповедник²⁰.

До избушки оставалось идти совсем немного, когда я боковым зрением уловил какое-то движение за разреженным кустарником, окаймлявшим лесной ручей. Первая мысль, мелькнувшая в мозгу, была совершенно нелепой. Передо мной стал образ женщины в цветастом платье, стирающей белье. Взглянув в бинокль, я понял, что это леопард, который переворачивал лапой камни в русле ручья. Я прошептал в сторону моего спутника: «Вон, смотри, леопард...».

Незадолго перед этим начало смеркаться, и я решил, что при таком освещении пополнить мой фотоархив интересным трофеем уже вряд ли удастся. Идти с тяжелым, «дальнобойным» телеобъективом «Таир» наперевес было не слишком удобно, и я, буквально за несколько минут до этого, заменил на его моем фотоаппарате на маломощный, с фокусным расстоянием всего лишь 130 мм. Теперь я сильно пожалел об этом. Но можно было попробовать подойти ближе и хотя бы взглянуть на зверя. Я обошел по большой дуге русло ручья до того места, где можно было выйти прямо к воде так, чтобы видеть весь этот отрезок течения. Леопард все еще продолжал искать что-то под камнями. До него было всего лишь метров 25. В этот момент у меня под ногой хрустнула ветка. Зверь поднял голову, повел хвостом и не спеша скрылся в кустарнике.

На этом этапе экспедиции нам с Володей Смирновым предстояло ознакомиться с видовым составом птиц по долине какой-либо реки, типичной для этих мест, в ее среднем течении. Для этого следовало подняться по сопкам на несколько километров к западу от нижней границы леса, а затем спускаться вниз вдоль русла, обследуя оба склона по бортам долины. Дело в том, что характер растительности различен на

²⁰ Их и мои автографы в том числе, запечатлены на бревенчатых стенах этого строения.

склонах разной экспозиции: южный, обращенный к северу, покрыт хвойно-широколиственной²¹ лиановой тайгой, а северный – лесами из монгольского дуба. Неодинаковы и сообщества птиц, населяющих эти местообитания.

Склоны в этих участках долин местных рек довольно крутые. В принципе, мы с Володей могли разделиться и двигаться независимо друг от друга по разным склонам. Но поскольку он был в Приморье впервые, ему было интересно осмотреть оба. В результате нам пришлось перемещаться челноком: мы шли несколько сот метров по средней части склона, отмечая видовую принадлежность поющих здесь птиц, затем спускались вниз, поднимались на противоположный склон и повторяли все сначала, раз за разом. Думаю, что Н.Н. Карташев, если бы мог видеть меня сейчас, остался бы доволен таким стилем моей работы.

Студент N, который отправился на экскурсию вместе с нами, какое-то время пытался не отставать, но вскоре проявил характер, сказав, что столь абсурдное (как ему казалось) поведение не для него. Мы согласились с тем, что ему нет никакой необходимости карабкаться по склонам вместе с нами, так что он вполне может идти вниз по течению вдоль русла. Впрочем, передвижение по кромке крупнокаменистого днища реки, заросшей густым кустарником и перегороженной тут и там мощными валунами и стволами упавших деревьев, едва ли можно было назвать приятной прогулкой.

Надо сказать, что вся эта экспедиция мало что прибавила к той общей картине распространения птиц по разным местообитаниям, которая сложилась у меня ранее в годы постоянной работы в заповеднике. Но такова и была задача поездки – уточнить правильность этой схемы путем рекогносцировочных маршрутов еще в одной точке Приморья. Новым оказался лишь факт присутствия в равнинной местности одного вида (толстоклювой пеночки), пребывание которого в этом регионе ранее было известно только в высокогорьях. Но в фаунистике, которую я считаю преднаукой, «курочка, – как говорится, – по зернышку клюет». Она поставляет сырой первичный материал для последующих теоретических построений. На основе такого рода данных А.А. Назаренко в последующие годы реконструировал исторические процессы становления фаун юго-восточной Азии вообще, и Приморья в частности. Я же пошел по другому пути – в попытках понять сущностные характеристики того, что именуется *сигнальным поведением* птиц, а позже – и других животных. О том, как развивались мои интересы в этом направлении, я расскажу в следующей главе.

---

²¹ Хвойные породы – пихта черная и кедр корейский.